

2 сентября 1991 года. Хогвартс, окутанный утренним туманом, словно готов был поделиться своими тайнами с новыми учениками. Гарри Поттер, с трепетом ожидая первого урока Чародейства, вместе с остальными Слизеринцами отправился в путь, загадочный, как сам этот древний замок. Репутация профессора Флитвика, мастера чар и бывшего чемпиона по дуэлям, заставляла сердце Гарри биться быстрее. Но найти кабинет оказалось задачей не из легких. Хогвартс словно играл в прятки: движущиеся лестницы переносили Гарри то на одну, то на другую ступень, запутывая его в лабиринте коридоров. — Тот, кто проектировал этот замок, — пробормотал Гарри, — должен был быть очень высоким, или что-то в этом роде. Потому что ни один здравомыслящий человек не придумал бы такой бардак. Он чуть не заблудился, несмотря на карту, но спросил дорогу у одного из портретов, и те с радостью подсказали путь. В конце концов, Гарри добрался до класса за несколько минут до звонка и занял место в первом ряду. Блейз Забини, который, казалось, привязался к Гарри с необъяснимой силой, присоединился к нему чуть позже. Невилл Долгопупс и Рон Уизли, опаздывая, пришли в класс последними, в полном составе Гриффиндора. Профессор Флитвик сделал им лишь устное предупреждение, не желая портить первый учебный день. — Несчастные случаи вполне ожидаемы, — заметил он, и класс засмеялся. Когда все успокоились, Флитвик, с изумительным равновесием, забрался на стопку книг и представился: — Добро пожаловать на первый год обучения Чарам. Меня зовут Филиус Флитвик, и я буду вашим старшим профессором по Чарам в течение следующих нескольких лет, что означает, что мы будем видеться довольно долго. Как вам хорошо известно, Чары — это основной предмет, который является обязательным для вас в течение следующих пяти лет. Все присутствующие здесь, надеюсь, будут сдавать СОВ через пять лет, после чего вы решите, хотите ли вы продолжать изучать этот предмет дальше или нет. Профессор Флитвик был невысокого роста, почти как средний первокурсник, что, вероятно, объяснялось его происхождением от полугоблина. Гибриды такого рода были довольно редки, особенно из-за гоблинских войн, закончившихся всего столетие назад. Но даже тогда потомство смешанных рас было редкостью, и Гарри не хотел думать о возможных осложнениях, которые могли бы возникнуть. Мужчина выглядел веселым, и его улыбка озарила комнату. Весь класс сразу же почувствовал себя гораздо комфортнее с полугоблином, чем с профессором МакГонагалл. Флитвик казался детям более доступным, по крайней мере, по сравнению с МакГонагалл, чей суровый и вздорный характер не нравился Гарри. Класс даже разразился хохотом, когда Флитвик чуть не упал со стопки книг, на которой стоял, называя имя Долгопупса. Гарри вздохнул от досады, так как мальчишка надулся, когда это произошло. — Людям действительно нужно перестать поощрять мальчишка, — подумал Гарри, — иначе он ничего не добьется. Однако профессор как-то странно посмотрел на Гарри, когда тот произнес его имя. — Впрочем, — решил Гарри, — это ничего не изменит. После переключки Флитвик начал лекцию: — Магическая область Чародейства, по определению, — это придание свойства предмету или человеку. Как вы можете себе представить, это очень обширная область, в которой есть и дуэли, и чары, и создание и разрушение защиты, и многое другое. Чары можно встретить повсюду, и это, без сомнения, самая используемая область магии в мире. Сегодня мы начнем с самых простых чар, которые необходимо выучить каждому волшебнику и ведьме, — чар освещения палочки. По взмаху палочки на доске появилось название заклинания: — Заклинание освещения палочки, широко известное как *Lumos* из-за его заклинания, — это заклинание без движения палочки, которое зачаровывает конец вашей палочки, чтобы она загорелась. Обычно зачаровывать палочку любым способом очень опасно, но это заклинание было усовершенствовано таким образом, что после его произнесения магия палочки не взаимодействует с ней. Вы изучите теорию более подробно, когда будете проходить арифмантику на третьем курсе, но заклинание удивительно простое в исполнении, а его теория также удивительно сложна. Флитвик взмахнул палочкой, произнося "*Люмос*", и кончик его палочки засветился. Затем маленький профессор продолжил: — Еще одной особенностью заклинания является то, что его мощность не может меняться. Вы не сможете ослепить кого-то, пересилив чары Люмоса, но те варианты чар, в которых это ограничение снято, могут

нанести серьезный урон. А теперь все достаньте свои палочки и взмахните ими, четко произнося заклинание "Люмос". На одном дыхании весь класс громко произнес слово "Люмос". Неожиданно у трети класса, включая Гарри, концы палочек засветились белым светом. — Что ж, — подумал Гарри, — это было проще, чем Трансфигурация, это уж точно. Одноклассники Гарри с удивлением оглядывались по сторонам, успешно произнося заклинание, возможно, впервые в жизни. Но Гарри не обращал внимания на их взгляды, а просто решил послушать мелодию заклинания. Она была удивительно красивой для такого простого заклинания. По своей ограниченности она больше напоминала классическую музыку. Но еще более примечательным было то, что она совсем не походила на трансфигурацию. Не было ни хаоса, ни порядка, только мелодия, но не палочка ее исполняла. Она посылала команду с помощью энергии и предмета, который ее воспроизводил. В каком-то смысле это было фундаментальным отличием между ним и трансфигурацией. Как будто палочка посылала энергию и ноты, но музыку играл сам зачарованный предмет. — Главный вопрос заключается в том, — задумался Гарри, — как реагируют чары, если сам предмет играет другую мелодию — если он уже зачарован. Гарри рассеянно пробормотал "НОКС!", чтобы рассеять свет, и поднял руку. Профессор тут же обратился к нему: — Профессор, — спросил Гарри, — как ведет себя зачарованный предмет, если кто-то накладывает на него дополнительные чары? Полугоблин гордо ухмыльнулся: — Какой замечательный вопрос, мистер Поттер. На самом деле все зависит от чар. Иногда побеждает сильнейшее заклинание, иногда обе чары отменяют друг друга, а иногда они могут даже повредить предмет. Однако существуют техники, позволяющие объединять чары в слои, которые так и называются — Charm Layering. Увы, это гораздо более сложный предмет, чем в этом году. Возьмите десять баллов Слизерину за очень хороший вопрос. Гарри кивнул, удовлетворенный ответом профессора. — Наверное, — подумал он, — это зависит от песни. Если песни гармонируют, то теоретически можно сыграть сразу две мелодии как единую симфонию. Однако если они не синхронизируются, то могут либо отменить друг друга, либо взять верх та, у которой сильнее источник энергии. Профессор, словно замороженный, продолжал повествовать о свойствах гасящих чар, Nox, способных укротить любое свечение, зачарованное или нет. — "Но на заколдованные предметы, — пояснял он, — эти чары не действуют, ведь они черпают энергию из собственного источника. И на солнечный свет Nox не властен, — добавил он, — потому что свет этот возобновляется". — "Но, технически, — улыбнулся профессор, — погасить свечу с помощью Nox вполне возможно". Гарри, словно пленный чарами, слушал, ловя каждый звук, каждую мелодию слов. Профессор переходил к вариациям заклинания, демонстрируя, как цвет свечения можно изменять по желанию. Гарри чувствовал, как в его душе рождается новая мелодия, сотканная из звуков и образов. Незаметно, под влиянием этого волшебства, он начал изменять чары Люмоса, заставляя свет переливаться разными оттенками, словно радуга. Но сердце заклинания, таинственный ограничитель его силы, оставался неуловимым. Гарри пытался поймать его, заглянуть в самую суть, но чары становились неустойчивыми, словно бушующая стихия. Он поспешил отбросить свои эксперименты, помня о предостережениях МакГонагалл. — "Урок закончился, — прозвучал голос профессора, — идите с миром". Гарри, очнувшись от волшебного сна, вздохнул. — "Слишком быстро", — подумал он, — "но, похоже, понедельник станет моим любимым днем". Чары и Трансфигурация, эти магические дисциплины, словно открывали ему новые миры. Но взглянув на расписание, Гарри ощутил укол разочарования. Большинство уроков он должен был делить с гриффиндорцами. — "Зачем это ненужное соперничество?" — ворчал он про себя. — "Создается впечатление, что составитель этого расписания просто хотел сделать жизнь профессоров несчастной". Он наблюдал за Долгопупсом и Малфоем, чьи взгляды, словно молнии, сталкивались в воздухе. — "Рон Уизли назвал меня слизеринской змеей", — вспомнил Гарри, — "и прицепился к Долгопупсу, как к лакею. А у Малфоя целых два приспешника". Гарри невольно представил себе уличные банды, — "Странное зрелище, — подумал он, — почти смешное". Гермиона Грейнджер и Невилл Долгопупс почему-то не сводили с него глаз. — "С Грейнджер я разговаривал в самолете, —

вспомнил Гарри, — но был предельно вежлив и услужлив". Девушка, возможно, завидовала его магическим способностям, но от ее взгляда ему было не по себе. — "А Долгопупс... — подумал Гарри, — это загадка". — "Неужели этот избалованный мальчишка — та самая цель Темного Лорда, который убил моих родителей?" — промелькнула мрачная мысль. Гарри мечтал о тишине, о возможности погрузиться в мир знаний, не отвлекаясь на чужие взгляды. — "По крайней мере, теоретические занятия с младшими профессорами... — утешал он себя. — Непрактично заставлять одного профессора отвечать за всех". В Хогвартсе училось более двухсот студентов, и каждый профессор должен был проверять работы каждого из них. — "Не говоря уже о ЖАБА и практических занятиях", — продолжал размышлять Гарри. — "Хорошо, что у каждого основного профессора есть три помощника, — успокаивал он себя, — которые выставляют оценки и ведут неkritичные уроки". Но подготовка к экзаменам СОВ и ЖАБА лежала исключительно на плечах старших профессоров. — "Значит, половину занятий я буду проводить с младшими профессорами, которых никогда не видел", — задумался Гарри. — "Любопытно, что преподаватели Защиты от Темных искусств не были отданы младшим профессорам", — пронеслось в его голове. — "Блейз говорил, что проклятие коснулось и младших профессоров. Двое погибли, один тяжело ранен", — вспомнил Гарри. — "Дамблдор решил, что Защиту должен вести только один профессор, — продолжал он, — "потому что так было всегда". — "Он не может признаться, что боится, что каждый год будет заканчиваться резней профессоров Защиты", — засмеялся про себя Гарри. Но мысли о проклятиях быстро улетучились. — "У меня свидание с самым прекрасным местом в Хогвартсе", — подумал он, — "с библиотекой". Гарри направился в Большой зал на обед. — "Где находится библиотека?" — спросил он одного из старшекурсников. Запомнив местоположение, Гарри отправился на поиски. — "Библиотека, библиотека... — шептал он, — "где же ты?" Он спрашивал дорогу у картин, пока не нашел ее двери. — "Вот она", — прошептал Гарри, — "мое волшебное убежище". Он сделал глубокий вдох и шагнул в открытую дверь. Комната была огромна, с высокими книжными полками, уходящими ввысь, словно башни. — "Словно лабиринт", — подумал Гарри. Винтовые лестницы вели на верхние уровни, — "Какое великолепие!" — восхищался он. Полки были забиты книгами всех форм и размеров, старыми и новыми, потрепанными и сверкающими. — "Сколько же знаний здесь хранится?" — прошептал Гарри. Комната была тускло освещена мерцающими свечами, — "Как в сказке", — заметил он. Пробираясь между стеллажами, Гарри был поражен количеством книг. — "Обложки такие разные, — восхищался он, — кожаные, яркие, с замысловатыми рисунками". В воздухе витал аромат старого пергамента и кожи, — "Это самое прекрасное, что я когда-либо видел", — шептал Гарри, завороченный.